

Металлика
Конкурс КЛФ «Контакт»
«Городская легенда»,
посвящённый 40-летию клуба

Новокузнецк
2018

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Металлика

Конкурс КЛФ «Контакт»
«Городская легенда»,
посвящённый 40-летию клуба

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
М 54

Металлика : конкурс КЛФ «Контакт» «Городская легенда», посвящённый 40-летию клуба / Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2018. – 36 с. 12 +

Авторы конкурсных рассказов

- № 1 «Черёмуха» – Дарья Максимова (Санкт-Петербург)
№ 2 «Гоголь-моголь» Валерий Копнинов (Барнаул)
№ 3 «Пустой дом» – Дарья Трофименко (Новосибирск)
№ 4 «История среднего городка» – Ольга Кулеш (Обнинск)
№ 5 «Превратности судьбы» – Елена Резникова (Волгоградская обл.,
Фроловский район, х. Ветютнев)
№ 6 «Почувствуй себя богиней» – Злата Линник (Санкт-Петербург)
№ 7 «Свобода воли» – Анна Чернышева (Новокузнецк)
№ 8 «Гараж» – Сергей Рулёв (Ухта)
№ 9 «Край небес - Нас здесь нет» – Виктория Рогозина (Москва)
№ 10 «Ночь в городе» – Александр Либиx (Челябинск)
№ 11 «Случай в Липовке» – Марина Волкова (Республика
Казахстан, Костанайская область, город Рудный)
№ 12 «Убить город» – Всеволод Липатов (Салехард)
№ 13 «Свет» – Антон Иванов (Санкт-Петербург)
№ 14 «Капсулина из будущего» – Оксана Исупова (Нижний Тагил)
№ 15 «Клавка-буфетчица и кот-газонокосилка» – Наталья Вавилова (Казань)
№ 16 «Освящение квартиры» – Александр Филичкин (Самара)
№ 17 «Исчезновение прохожего» – Борис Петров (Москва)
№ 18 «Снайпер» – Анна Хилюк (Хабаровск)
№ 19 «FATUM» – Эвелина Телякова (Санкт-Петербург)
№ 20 «Жестокость» – Емельян Марков (Москва)
№ 21 «С днём рождения, папа!» – Дмитрий Лазарев (Екатеринбург)
№ 22 «Ам-ням-ням» – Сергей Мартынюк (Брест, Беларусь,
№ 23 «Неужели это ты?» – Владимир Астафьев (Благовещенск)
№ 24 «Улица Счастливая» – Ольга Грасс (Екатеринбург)
№ 25 «Черным-черно» – Мария Малухина (София, Болгария. Москва)
№ 26 «Металлинка» – Елена Корнеенко (Новолукомль, Беларусь)
№ 27 «Техномагия бабы Яги» – Эвелина Тимофеева (Москва)
№ 28 «Знание – сила» – Светлана Берзина (Новокузнецк)
№ 29 «Одно слово» – Сергей Лёвин (Анапа)
№ 30 «Загадочный парк» – Дмитрий Семёнов (Новокузнецк)
№ 31 «День расплаты» – Ирина Захарова (Санкт-Петербург), Екатерина
Балашова (Тверь)
№ 32 «Озеро синего слесаря» – Арина Остромина (г. Бар, Черногория)
№ 33 «Ангел» – Татьяна Попова (Москва)
№ 34 «Фрейд для Маргариты» – Инна Ким (Новокузнецк)
№ 35 «Сказка о серой волчице» – Наталья Резниченко (Новокузнецк)
№ 36 «Крысаки» – Михаэль Фартуш (г. Беер-Шева, Израиль)
№ 37 «Переулок» – Оксана Провоторова (Серпухов)
№ 38 «Старость» – Роман Искаев (Хабаровск)
№ 39 «Непонятная штуковина с бусинками» – Татьяна Шипошина (Москва)
№ 40 «Антиподия» – Иван Мченский (Новокузнецк)

Голосование жюри

- 1-2 место** – рассказы № 1 «Черемуха» и
№ 28 «Знание – сила» по 22 балла
- 3 место** – рассказ № 26 «Металлинка» 19 баллов
- 4 место** – № 24 «Улица Счастливая» 13 баллов
- 5-6 место** – рассказы № 6» Почувствуй себя богиней» и
№ 21 «С днем рождения, папа!» по 12 баллов
- 7-8 место** – рассказы № 34 «Фрейд для Маргариты» и
№ 10 «Ночью в городе» по 11 баллов
- 9 место** – рассказ № 33 «Ангел» 10 баллов
- 10-11 место** – рассказы № 32 «Озеро Синего слесаря» и
№ 29 «Одно слово» по 9 баллов
- 12-14 место** – рассказы № 19 «Фатум», № 22 «Ам-ням-ням»
и № 25 «Черным-черно» по 8 баллов
- 15-16 место** рассказы № 30 «Загадочный парк» и
№ 5 «Превратности судьбы» по 7 баллов
- 17-18 место** – рассказы № 8 «Гараж» и
№ 13 «Свет» по 6 баллов
- 19-20 место** – рассказы № «39 Непонятная штукавина
с бусинками» и № 20 «Жестокость» по 4 балла
- 21-23 место** – рассказы № 18 «Снайпер», № 14 «Капсулина
из будущего» и № 37 «Переулок» по 3 балла
- 24 место** – рассказ № 12 «Убить город» 2 балла
- 25 место** – рассказ № 16 «Освящение квартиры» 1 балл

Итоги голосования на приз читательских симпатий

1 место – рассказ	№ 24 "Знание - сила"	34 балла
2 место – рассказ	№ 26 "Металлика"	32 балла
3 место – рассказ	№ 1 "Черёмуха"	29 баллов
4 место – рассказ	№ 25 "Черным-черно"	28 баллов
5 место – рассказ	№ 33 "Ангел"	25 баллов
6-7 место – рассказы	№ 8 "Гараж" и № 30 "Загадочный парк"	по 18 баллов
8 место – рассказ	№ 17 "Ночью в городе"	17 баллов
9 место – рассказ	№ 34 "Фрейд для Маргариты"	16 баллов
10 место – рассказ	№ 24 "Улица счастливая"	14 баллов
11-12 места – рассказы	№ 14 "Капсулина из будущего" и № 38 "Старость"	по 11 баллов
13 место – рассказ	№ 32 "Озеро синего слесаря"	10 баллов
14 место – рассказ	№ 21 "С днём рождения, папа"	8 баллов
15 место – рассказ	№ 19 "Fatum"	7 баллов

ЗНАНИЕ – СИЛА

Посвящаю деду моему Нестерову Клавдию

Через большую лужу лежала Доска. Все по ней ходили-переходили, но никто особенного внимания на неё не обращал – «хорошо, что хоть не в грязь наступать!» Но Доску это не устраивало. Ей нужно было общение. Интеллектуальное. Потому что она, Доска, была особенным созданием. Во-первых, она была кедровой породы и её генеалогия, если бы она её вела, насчитывала бы тысячелетия. Во-вторых, когда-то она была плахой, длинной и стройной. И в-третьих, она вела своё происхождение из далёкой Нарымской тайги.

Из своего детства она помнила тёплые и умелые руки человека по имени Нестеров Клавдий Акакьевич, как ласково он её строгал, ставил и поглаживал, помнила его прокуренные усы и тёмный кисет, где хранилась его махорка, которую его жена и дочери выращивали в огороде. Огород располагался под сильный уклон к речке, её называли Шипталдай, по-остятски. Плаха видела её со своей высоты и очень любила, особенно тогда, когда Деда, как его называла ребятя, вытаскивал свой улов. Рыбы было много, хватало всем. Стерлядь шла на чушь – строганину, уху, пироги и на вяленье. Другая рыба раздавалась соседям, остальное шло на корм собакам и свиньям. Водила она дружбу, а может быть, и любовь, с замечательной собакой Нестеровых – Соболькой, большим чёрным лохматым псом, который, после Деда, был главным в двухэтажном доме. Плаха жила в большой и работающей семье и этим гордилась. Знала, что послужит своей замечательной семье, не зря она с другим лесом так долго сохла.

Беда пришла неожиданно, и звали её – Колхоз. Отбирали и ОБОБЩЕСТВЛЯЛИ всё – скот, коней, коров, свиней, картошку, зерно и даже кур. В этот перечень попал и строительный материал, который в огромном количестве был заготовлен в семье. Так Плаха попала на колхозный склад, сырой и грязный, и свалена в кучу, где ей было тесно и душно. Она ещё долго надеялась, что придёт Деда и заберёт её и всех остальных домой, но на дверь был повешен огромный амбарный замок и поставлен сторож, поганый дед, который за душой не имел ничего, но первым записался в колхоз.

Дальнейшие мытарства Плахи сложились в калейдоскоп неприятностей и перемещений. Но ей не нравилось нигде. Ни тогда, когда она была полом в большом городе Томске, ни тогда, когда грохочущим поездом была доставлена в Кузбасс. А тут шла Всесоюзная Стройка, строили металлургический комбинат, и дерево, в любых его

видах, было основным строительным материалом. Плаха всё ещё помнила тихую речку Шипталдайку и ласкового Деда Клавдия. Её же никто ни о чём не спрашивал. Её стелили, надставляли, подравнивали, заново обтесывали, сбрасывали в котлован, обратно доставали – и всему этому не виделось конца. Плаха заметно исхудала, стала грязной и тёмной доской, появилась в ней заметная и устойчивая Тоска. Тоска, тоска, тоска... она выедала все внутренности. «Ну хоть бы значком наградили «Ударник коммунистического труда», – думалось ей, – другим же дают!» Немного полегчало, когда её приволокли в школу рабочей молодежи и сделали из неё отличную скамью. Никто из людей и не догадывался, что она училась вместе с ними. Арифметика и география были её любимыми предметами. И всё бы было сравнительно хорошо, если бы её не переломили в пьяной разборке. Всеми жилами и древесиной она почувствовала боль, по камбиальным кольцам пробежал разрыв... Одна половина полетела в котлован, другая, самая чувствительная, брошена под ноги, в грязь... Тут-то она и потеряла сознание... надолго, очень надолго.

Очнулась от лёгких маленьких шажков – мальчик пробежал по Доске, хлюпнул грязью, повернулся, пробежал обратно, снова хлюпнул... «Дожила... может, хоть он что-нибудь спросит?» Но мальчишка убежал. Немного приподнявшись, Доска увидела на доме какую-то надпись и радостно поняла, что читать она ещё умеет: «Батюшкова, дом 6»

«Кто же это такой? Вроде, на стройке не было такого бригадира. Чьим же именем назвали дом? Странные люди... моим именем ничего не назвали, а уж как я работала, изработалась на половину...»

Конечно, русской поэзии Доска знать не знала. В школе рабочей молодежи упоминали только Пушкина и Лермонтова, и их она помнила твёрдо. «Тучки небесные, вечные странники...», – иногда шептала Доска, глядя ввысь.

Снова послышались шаги, и на Доску вступила грузная и толстая тётка, пошла потихоньку, будто перед ней была глубокая речка. И Доска решила подшутить над толстухой, тихонько накренилась и выпустила струйку грязи прямо на тёткино пальто. Реакция была непредсказуемой – тётка громко заорала, подскочила, оступилась, и ещё одна струйка прилетела на пальто. Тут уж было не до шуток! Крики привлекли старух, устроившихся на скамейке, которые принялись громко вторить тётке, а сидящие на тополях вороны предусмотрительно разлетелись. Бабы коллективно обругали все: мать-перемать, дворника, старшую дома и даже правительство. Упомянули какого-то Кузнецова, который за городом не следит. Доска уже была не рада своей затее. Наконец толстуха ушла, но скоро вернулась. На руках были надеты верхонки, которые Доска отлично знала, в них все люди работали на стройке. Тётка наклонилась к луже, подцепила какой-то палкой Доску, схватила её и торжествующе поволокла к дому, поставила на попа и стала чего-то ждать. Стала ждать и испуганная Доска: что ещё выкинет эта истеричка?

А старухи на скамейке всё ругались, вороны же и голуби с интересом поглядывали на происходящее. «Обязательно убегу, как только она отвлечётся», – напрыглась Доска.

– Я отдам её зятю, пусть увезёт на дачу, там всё уйдёт в печку. Ишь, какая – ещё хорошая и толстая доска, зря лежит в луже.

Как только Доска услышала это, ей стало страшно. Закончить свою героическую жизнь в печке – это было выше её сил.

И, к счастью, толстуха постояла-постояла и пошла на лавочку к старухам. Доска быстренько упала на бок, перевернулась, снова на бок, снова перевернулась – вот уже и угол дома... дальше заветные кусты, можно спрятаться и подумать... Как задумала – так и сделала. ЦЕЛЬ ПОЯВИЛАСЬ, и все мыслительные процессы АКТИВИРОВАЛИСЬ. Она была уже довольно далеко, но слышала, как тётка орала на весь двор:

– Ну вы подумайте! Украли доску-то! Моментально! Паразиты! Буду жаловаться!

«Так тебе и надо», – подумали птицы.

А Доска, спрятавшись в кустах, кое-что обдумала и составила СТРАТЕГИЧЕСКИЙ план – непременно попасть на речку, а там... видно будет. Но передвигаться нужно только ночью, иначе кто-нибудь её сцапает. Каким-то особенным чутьём она определила, в какой стороне находится Томь (название реки она хорошо знала), и за три ночи добралась до неё. Переулки, клумбы, автомобильные покрышки, поставленные друг на друга, а больше всего асфальт, припаркованные машины и надоедливые голуби, которые разгуливали прямо по ней, что-то выклеывая. Измученная и усталая, проклиная всех тёток на свете и одновременно радуясь, что хоть как-то меняет свою жизнь, легла на берегу реки на тёплый песочек и поняла, что набирает от него сил. «Кремний, он из Солнца происходит, – засыпая, подумала Доска. – Вот и химию вспомнила».

Целую неделю плыла доска по течению реки, недалеко от берега, выбираясь по утрам из воды и отдыхала. Проплыла небольшие, но многочисленные поселения вдоль реки, благополучно проплыла Кемерово, но настойчиво звенела мысль: «Из Кузбасса-то я уже уплыла, скоро Томь будет впадать в Обь – и как я буду плыть по Оби? Она-то широченная и бурная, а как не проплыть свороток на свою родную речку Парабель? Хоть бы у кого спросить?» Ну, случай и помог. Внезапно рядом с ней поплыло бревно. Доска долго приглядывалась к нему, затем подгрестила и поздоровалась. Бревно просто шархнулось от неё, и Доске пришлось долго уговаривать его заговорить с ней.

– Куда поплывете и как ваше имя-отчество? – вежливо спросила Доска

– Бревно Сосновое, имя не имею, – затруднённо и почти невнятно ответило Бревно.

– Куда же путь держите?

– Плыву и плыву. В никуда. Где прибудет, там и остановлюсь. А вы куда?

– На Родину, в местечко Большое Нестерово на реке Шипталдай. Может, вы знаете, где и как сворачивать из Оби в реку Парабель?

– Никогда не слышал ни одной такой речки. Я даже не знал, что плыву по Томи. А откуда вы всё это знаете? Названия рек, что сворачивать где-то нужно?

– Знаю. Я на Всесоюзной стройке металлургического гиганта в городе Новокузнецке временно была скамьёй в вечерней школе. Училась вместе с людьми и особенно любила географию и карты, как будто знала, что эти знания мне пригодятся. Вот и пригодились.

– Да-а, видимо, далеко вы заплыли! Я бы вам посоветовал поговорить с совами, они здесь всё знают, настоящие академики!

На реке рассвело... Доска и Бревно замолчали, высматривая, где бы им остановиться на день. Вскоре такое местечко нашлось.

Доска легла на берегу, а Бревно осталось в воде коротать день. Доске нужно было составить план на дальнейшую навигацию, отрастить небольшие плавники, подумать, а не нужен ли ей руль? А флаг? Прежде всего – крепкие и прочные плавники. Доска вытянулась, напряглась, погнала живительные соки к выщербленным бокам, ещё-ещё-ещё... вот-вот-вот, потянулась... так-так, хорошо – и получились отличные плавники, даже с хитиновыми прожилками, как у рыб.

«Никакого флага, я же ночной беглец! И хвоста никакого не надо, смешно будет... главное, маневренность есть. Нужно сейчас определиться – а где же я нахожусь?» Доска подскреблась новыми плавниками к воде и обнаружила, что Бревна нет. Удивилась и огорчилась. «Может, по течению догоню?» – но особенно горевать было некогда, нужно было узнать название местности. Поплыла и наконец увидела метеорологическую станцию, вывеска на ней есть, прочитала: «Томская гидрометеостанция наблюдений и регистраций». Доска рассуждала так: «Если сегодня ночью я проплыву мимо Томска, то там, совсем недалеко, и Обь, меня, конечно, само течение вынесет, но нужно будет обязательно переплыть к левому берегу. Если я это сделаю, там уж и Парабель высматривай, он один из крупных левых притоков».

Путешественнице всё время везло. Рядом с ней на песок села пушистая Сова и стала пить. Доска так обрадовалась, что вскрикнула:

– Госпожа Сова, здравствуйте, вот здорово, что вы здесь!

Сова удивлённо покосилась на неё, повернулась, посмотрела вокруг и только тогда ответила на приветствие, поняв, что это доска с ней поздоровалась – больше никому... Доска засыпала её вопросами, но Сова попросила сначала рассказать ей свою историю. Доска долго и с удовольствием рассказывала, обнаружив отличную память и знание календаря, ведь плыла она уже двадцать ночей, а потом заметила, что кругом неё сидят другие Совы, Синички, одна Утка-чирок и, высунув огромную голову, в воде лежит Сом. «Вот кто мне поможет!» – обрадовалась Доска и принялась чётко и толково комментировать своё

намерение, а обитатели реки внимательно слушали. Старшая Сова кивала мохнатой головой, и её рожки смешно потряхивались.

Вопрос Сова прозвучал совершенно неожиданно:

– Дорогая, а сколько же тебе лет?

– Точно не знаю, но примерно 140-150 лет, – отвечала Доска, которая поняла, что вопрос задан неспроста – в её судьбе обязательно примут участие. А Сом, скотина, вроде спал...

– Я долечу с тобой до устья Парабели, там у меня живут сёстры и тётки, я давно собиралась посетить их, – сказала Старшая Сова, – только лететь я могу ночью.

– Так и я плыву только ночью, – обрадовалась Доска, – сегодня вечером и двинемся, а?

– Хорошо, только мы по дороге будем охотиться, нам без пищи нельзя, не то что тебе!

Доска еле дождалась вечера, а целый день она лежала, поглощая солнце. И как только прокричала Утка, путешественница оттолкнулась от берега и, совершенно счастливая за много-много лет, поплыла по течению. Светила большая Луна, шуршали и переговаривались ночные звуки и всплески, и всё было обнадеживающе. По берегам реки появились огни большого индустриального города, фыркали и звонили какие-то машины, где-то далеко ухало и громыхало. «Значит уже Томск». А сов нигде не было видно... И только она забеспокоилась, как на неё спикировал и сел маленький совёнок, детёныш ещё. Доску сильно подхватило, крутануло, понесло и по мощному течению и волнам, по холодной воде. Доска поняла, что выплыла в Обь...

Вода вся превратилась в водяные бугры, которые ходили взад и вперёд, река билась, кипела, металась во все стороны и точно стонала. Изю всех сил Доска стала грести к левому берегу, которого в темноте даже не было видно, продвигаться получалось плохо, река была сильнее её, крутила и топила, подбрасывала и снова крутила. Маленький совёнок что-то залопотал, взлетел и полетел над Доской, выкрикивая ободряющие звуки и указывая ей путь. Но силы покидали Доску, плавники совершенно устали и через некоторое время она уже готова была сдаться и погрузиться на дно. Река была сильнее её. И тут помог Сом. Он поплыл рядом с Доской, своим мускулистым телом поддерживая и направляя её движение и взмахивая мощным хвостом как гребью. Она воспрянула духом и поняла, что переплывёт Обь. И действительно, вскоре показались неясные очертания противоположного берега. Сом куда-то улизнул, маленький совёнок топтался на берегу и показывал, куда нужно причалить. Совсем рассвело, когда Доска подгребла к берегу, отряхнулась и легла на песок. Совёнок сел рядом.

– Буду сторожить, – просто сказал он.

– Сторож нашёлся, от горшка два вершка, – сказала путешественница, но тут же спохватилась и взяла свои слова обратно, что бы она без него делала ночью? Тонула... утонула бы.

От пережитого она долго не могла уснуть, ворочалась, вздыхала, зарывалась в спасительный песок, затем немного приподнялась и осмотрелась: тяжёлые свинцовые воды Оби катили большую волну по всему водяному пространству, особенно посреди, гребни волны, достигнув крайней высоты, вдруг обрушивались и рассыпались в белую пену, противоположный берег угадывался маленькой тёмной полоской, а по воде плыли маслянистые разводы. «Ой-ой-ой, это, наверное, нефть, зараза какая, и на меня может ведь попасть! Нужно остерегаться! И как только я такое бешеное море переплыла?» И с благодарностью вспомнила Сома, который помог ей сегодня ночью. Осмотрела плавники. Они были исполосованы и оборваны, нужно их ремонтировать, и Доска немедленно занялась этим. В уме сложился новенький образ плавников, более мощный и более длинный, и несколько времени ушло на материализацию её мысли. «Может, ещё и хвост небольшой сделать?» – подумала она, но тут же рассмеялась, представив себя с хвостом: «Обойдусь». А совёнок уже спал, теперь он походил на небольшую кучку травы, и Доска долго удивлялась этой бесхитростной премудрости. Незаметно уснула...

Под вечер проснулась, маленький Совёнок и Старшая Сова сидели рядом с ней, уже отдохнувшие. Как она обрадовалась! И даже захотела стать дочерью Сова, но Сова её сурово оборвала:

– Какие-такие дочери? Мы же разные виды! Давай хорошенько думать, как плыть дальше до устья?

– Да также и плыть, как плыли, – беспечно ответила Доска, она ведь не знала, что аборигены-остяки баграми вылавливают из воды весь лес, плывущий вниз, и используют его, кто на дрова, кто куда, но высматривают зорко каждое дерево. Старшая Сова толково проинструктировала её, как плыть далеко от берега, но в то же время следить за обстановкой – могут и на лодке догнать... Напуганная Доска попросила, чтобы Совёнок сидел на ней и рулил, но Старшая отказала, сказав, что это опасно. И Доска, вздохнув, спустилась в воду и поплыла. Опять сумасшедшая вода – водовороты и воронки, – опять гребла, опять задыхалась, но выгребла подальше и облегчённо вздохнула, когда легла на курс, но не тут-то было – рядом возникла огромная удлинённая голова в крапинку, оскалила рот и ухватила её за плавник, стараясь его перекусить.

– Матушка Щука, помилуй! – взмолилась путешественница, совершенно не понимая, откуда она знает, что это Щука. Хищница так удивилась, что выпустила плавник, отплыла и стала рассматривать – кого же она хотела проглотить? И как ОНО разговаривает на их языке? Большая беда от Доски всё же отплыла, и тогда она поняла, почему вчера так беспокоилась Сова... Сколько неожиданностей на реке – и все опасные. Увидела и лодку с сидящими людьми, от страха погрузилась в воду и плыла так дальше. «Вот бы мне ночной перископ», – успела подумать, но в темноте лодка где-то потерялась. И Доска всплыла вверх, но про себя решила, что нужно тренировать этот спасительный маневр. И

только на четвёртую ночь, такую же тревожную, доплыла до устья искомой реки – Парабели. Об этом ей крикнула спасительница Сова. Повела её к берегу, чтобы благополучно пристать на отдых. Устье было широкое, по нему плыло много коры, сучьев, листьев, скапливалось в сплошную массу, билось и дёргалось. Такого Доска ещё не видела и только благодаря Сове выгребла к берегу. Еле вылезла – всё было завалено сучками и корой и неприятно пахло, залежалым и гниющим. Но странно, присмотревшись, она поняла, что вся эта масса разворачивается и плывёт обратно, почему? Спросить было не у кого, Сова сразу же улетела, пока Доска оглядывалась. И она задремала, а потом и уснула.

Проснулась поздним вечером, уже смеркалось. Около неё сидело много сов и среди них – её знакомые. Она принялась считать, насчитала 16, когда что-то со свистом село рядом – огромная Сова необычайной красоты, пуховая бело-рыжеватая подушка, с интересом разглядывая её.

– Это мой папочка, – сказала Старшая Сова, вся светясь от радости, – захотел на тебя посмотреть и послушать.

Доска откровенно рассматривала Папочку и находила, что он – прекрасный кавалер даже для неё, в хорошей спортивной форме, самый красивый, самый большой, самый-самый... Огромные жёлтые глаза светились умом, длинные белые ресницы венчиком нависали над глазами, белая манишка безукоризненной чистоты, фрак с меленькими коричневыми перышками, штаны – мохнатые и опрятные одновременно, но дальше шло 6 стальных когтей, и все они загибались внутрь – тут-то Доска поёжилась, но задала вопрос первой:

– Господин генерал, скажите, пожалуйста, почему вода идёт обратно, река же вытекает?

Все Совы замерли, видимо, они тоже недопонимали этот вопрос.

– Во время половодья устьевый участок реки, примерно 20-25 километров, испытывает подпор воды со стороны Оби. В этот момент течение направлено вверх по протоке Парабельская до протоки Каргасокская, а там поворачивает опять вниз к Оби. Тебе повезло, может, и доплывешь до своей Родины, как знать. Мы будем тебе помогать, потому, что ты – Личность. Проявила Ум, Характер, Волю и Смекалку. Будем учиться жить на твоём примере. Все слышали?

Птицы закивали головами.

– Мы работаем тут в заповеднике сторожами и охранниками, всё знаем и всё контролируем. Я лично знаю деревню Малое Нестерово, охотился на протоке Кальджа, где-нибудь там и твоя речка, ведь Васюганское болото самое большое в мире, если говорить точно – 53 тысячи квадратных километров, много мелких рек его питает, может быть, там и твоя найдётся!

– Так-так, – закивали птицы, а Старшая Сова сказала:

– Он у нас тоже путешественник, всё помнит и всё знает, летает до самого Салехарда, почти в Обскую губу. А в Ханты-Мансийск очень

часто, на зимние соревнования биатлонистов, и знаком лично со многими из них. В Норвегии выпущен большой альбом с его фотографиями, так говорили геологи. Знаком с Бьерндаленом, братьями Бе и Свенсенем, они-то и выпустили альбом и подарили его королю Норвегии.

Доске стало неловко... какие великие люди дружат с нашими Совами, а кто она? Обломанная и искалеченная доска.

– Ну-ну, – подбодрил Главный Сов, – не комплексуй! Давай поплыли.

Ночь прошла тихо и спокойно. Видимо, РОДИНА приняла её и помогала ей, по всему выходило так... Доска даже размышляла, а что бы ей не написать рассказ об этом путешествии? Сколько же она проплыла за 34 ночи? По её подсчетам выходило больше 11 тысяч километров. И как удачно сбежала из Новокузнецка... И как подружилась со всеми обитателями тайги...

Рассвет встретила в отличном настроении, маленький Совёнок тут же объявился, сел на неё и стал рулить, направляя её к берегу. Она любила его всем существом своим, всеми камбиальными кольцами. И старалась показать это. Он понимал и радовался. На берегу улеглась обсыхать и отдыхать, но внутри себя уже не нашла никакого беспокойства... Родина... Родина... Так сладко звучали эти слова внутри её, выходили наружу и распространяли благостный аромат преданности. Проспала до вечера.

А вечером Сова опять устроили совещание. Течение вверх закончилось. Как устроить плыть Доске против течения? Предложений никаких не было, но тут прилетел Главный Сов, посмотрел на всех, всё понял:

– Неужели сдались? Я договорился с одним сомом, он поможет, но немного, километров десять, готовьте упряжь.

А у Старшей Сова нашлась крепкая бечёвка, видимо, умом и сметливостью она была награждена также, как и её отец.

Не долго думая, столкнули Доску в воду, приплыл Сом, его заарканили, дали бечёвку Доске и двинулись против течения. Конечно, это было медленное передвижение, но Сом и не особенно старался. «Подумаешь делов, везти небольшую Доску, хоть и знаменитую! Все мы знаменитые, – думала огромная рыба. – Возьму с них за перевоз 10 больших мышей, или лучше 12, поторгуюсь ещё!» Он то и дело нырял, уходил на глубину, чего-то искал и рылся в корягах... Доске приходилось сопротивляться, следить, чтобы упряжь не запуталась, изворачиваться, и к рассвету она совершенно измоталась, отпустила бечёвку и погребла к берегу, благо, до него было недалеко.

А вокруг всё изменилось... Тайга стала тёмной и густой и подступила к самому берегу, могучие кедры стояли у воды, любуясь своим отражением. Доска вылезла на берег, и вдруг на неё пахло знакомым и родным, чем? Она сразу же растворилась в этом блаженном запахе, просто растворилась... Поняла, что это так пахнет и действует на неё КЕДРАЧ. Родной, близкий запах будоражил, но одновременно и успокаивал, будто брал её под свою защиту. Она уткнулась в траву и впервые за всё путешествие заплакала,

слёзы-то были на поверхности, вся она была пропитана водой насквозь, не всегда успевая достаточно просыхать за день .

– Ш-ш-ш, – пели деревья, – не плачь, сестра, ш-ш-ш, отдыхай, потом нам всё расскажешь!

Рассказ был длинным и подробным. Слушали не только деревья, слетелись все совы, мелкие кулики и утки, слушали белки и горностаи, забыв о том, что они могут стать едой очень быстро. Не было только Главного Красавца:

– Улетел в Красноярск, на концерт пианиста Дениса Мацуева, непременно хочет с ним познакомиться лично, чересчур он у нас культурный! – пояснили птицы. – У него есть приглашенный билет.

Ближний к ней кедр вдруг спросил:

– А что у тебя это такое мотается?

Доска сначала не поняла, что он имел в виду, оказалось, что плавники всё ещё были при ней, изорванные и израненные.

– Так это я вырастила себе средство управления, – пояснила Доска.

– Как вырастила? – хором спросили деревья.

– Ну, как вы выращиваете ветки, птицы – перья, так и мне пришлось придумать себе помощь, – просто ответила Доска.

– И географию знаешь, и в навигации смыслишь, и металлургический комбинат строила, и с птицами и рыбами сумела подружиться. Гениально, талантливо! – подвели итог деревья. – Оставайся с нами, мы думаем, что деревни твоей давно нет, уже в пятидесятых годах люди разъехались, старики померли, дома разрушились и сгнили. Есть деревня Малое Нестерово, но ты же жила не там? А семья твоя – в твоей памяти, вон как ты всё рассказала, с сердцем и любовью. Поручим совам слетать туда и ещё всё проверить, чтоб ты успокоилась!

Выспавшись, Доска захотела отблагодарить птиц, но чем? Как? Неожиданно для себя самой она начала с выражением декламировать Лермонтова:

Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы будто как я же изгнанники
С милого Севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?..

Тут у неё от волнения перехватило горло, голос трагически снизился до шёпота, но она всё же продолжала:

Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Птицы затихли, им так понятно было небо, одновременно и близкое и далёкое. Их родная стихия была описана каким-то чародеем просто и проникновенно. Очарованные красотой слов, деревья замерли, грызуны перестали шуршать, тайга была поражена и взволнована...

– Говоришь, застрелили его? Человек человека? Вот мы и не хотим особенных контактов. Даже шишек рожаем специально немного, лишь бы люди к нам не ходили. И ягодой, и грибами не балуем, – сказал самый большой и высокий Кедр, стоявший на взгорке. Оказывается, он был тут главный и отдал распоряжение совам сейчас же лететь на Кальджу и искать Шипталдай. И чтобы по дороге они наизусть выучили стихи про тучек. На том и порешили. И, правда, знание – сила.

Дарья МАКСИМОВА

Черёмуха

Григораша злится на тётю в белом халате, маму, папу и всё человечество в целом. Из-за непонятого слова «ветрянка» его всего обмазали зелёнкой и теперь не пускают ни с кем играть. И чесать пупырышки запретили строго-настрого. Что за жизнь!

Григораше уже шесть лет. Он самостоятельный и не хочет никого слушать. Поэтому при первой же возможности, когда папа выносит мусор, выбегает во двор.

А во дворе – красота, на дворе – май! Светит солнце, зеленеет травка, детвора в песочнице играет! Но, едва завидев Григорашу, разбегаются кто куда. Только и доносится обидное «лягушонок!» Тех, кто сам не разбежался, подхватывают на руки родители. Ну и ладно, не очень-то хотелось. Засунув ладошки в карманы шорт, всем видом демонстрируя независимость, Григораша гуляет по двору. Пинает камушки, наступает на муравейник. Проходя, сгибает прутик черёмухи. Хочет сломать – да вот незадача, прутик гнётся, а не поддается! Сопит Григораша, и так, и этак его сгибает – всё без толку. Качается дерево, шелестит молодой листвой.

– Для чего тебе прутик? Гусей пасти?

Так удивился Григораша, что прутик выпустил, а тот его по лбу – стук! Не больно, скорее, в насмешку. Из-за деревца вышла девочка: наблюдала, значит. И как он её не заметил? Платье белое, нарядное, глаза тёмные, тень от листьев зелёная на волосы падает. Растерялся Григораша. Девочка-то незнакомая, может, с соседнего двора? И говорит ерунду, гуси в деревне живут, а не в городе! И зачем их пасти?

Девочка тем временем подошла ближе и дотронулась прохладной ладошкой до его щеки.

– Ух ты, зелёный! Как листочек!

Ещё больше удивился Григораша. Пояснил важно:

– Это ветрянка.

Глаза девочки стали круглыми-круглыми.

– Ничего себе.

Григораша хотел было пояснить, что это такая болезнь, и она заразная – если тётя-доктор сказала правду. Но тут заметил бегущую к нему через двор маму.

– Ой.

Девочка всё поняла, улыбнулась. Прислонилась спиной к стволу черёмухи. Закачались ветви, зашелестели листья. Девочка исчезла.

Мама подбежала, схватила Григорашу, причитая и ругаясь. Он молчал, ошарашено глядя на деревце. Хотел было спросить маму – видела ли она девочку в белом платьице? – но передумал.

– Пап, а гуси в городе живут?

– В зоосаде.

– А их пасут?

Отец отвлёкся от ноутбука, посмотрел на сына. Сын сидел за столом и задумчиво размазывал кашу по тарелке.

– В деревне пасут, там их много. А в зоосаде мало, сами гуляют. Ты ешь, а то не выздоровеешь.

Григораша кивнул, продолжив размазывать кашу. Его уже три дня не отпускали гулять, и он беспокоился – как там Девочка-из-Дерева? Он же не успел ей сказать, что ветрянка заразная. Вдруг она заболела?

Конечно, его удивило её исчезновение. Но в мультиках он и не такое видел. Ни он сам, ни его друзья так не умеют – ну и что? Вот он познакомится с девочкой, и – кто знает – вдруг она его научит?

Наконец Григораша выздоровел и был отпущен во двор под бдительным присмотром мамы. К её удивлению, он не пошёл в песочницу к своим друзьям, а уселся под черёмухой, с которой облетали последние лепестки. Достал машинки.

Что ж, главное – что в поле зрения сидит и никуда не убегает. Успокоилась мама, отвлеклась на разговоры с другими родительницами – а Григораша машинки отложил и начал дерево изучать. Там потрёт, здесь постучит. Попробовал потрясти – зашелестели листья, посыпались лепестки, словно снег пошёл! И голос послышался:

– Зачем балуешься?

Смотрит Григораша – девочка перед ним стоит! Только платье уже не белое, а бело-зелёное, и сама вроде постарше стала.

– Не балуюсь. Тебя хотел увидеть. Ты не болела?

Девочка только брови удивлённо вздёрнула.

Григораша пояснил, смущаясь:

– Я не сказал, что ветрянка заразная.

Личико девочки прояснилось.

– Так это ты, Листочек? Чего не зелёный больше, тоже меняешься?

Григораша не понял, о чём она говорит, но на всякий случай кивнул.

И спросил – сразу, пока не забыл:

– Тебя как зовут? Я – Гриша.

Девочка озадачилась.

– Так некому меня звать.

– А я?

– И ты не зови.

Девочка стала серьёзной, почти хмурой.

Григораша подумал, что чем-то её обидел, и поспешил исправиться.

– Давай дружить? Ты меня в дерево ходить научишь, а я тебе...

Он лихорадочно огляделся. Что бы такого предложить этой девочке?

– А я тебе машинку подарю! Вот эту!

Ярко-красную гоночную машинку, лучшую в коллекции, он получил на день рождения. Но сейчас Григораша, без сомнения, был готов с ней расстаться.

В тёмных глазах девочки отразилось сомнение.

– Или любую другую, какая понравится!

– Мне никогда ничего не дарили.

Григораша онемел от такой несправедливости. Как так? Всем дарят подарки – хотя бы на праздники!

– Ничего, исправим!

Он часто слышал эту фразу от папы. Тот говорил её маме, когда что-то шло не так, как нужно.

– Гриня! Пора домой!

Мама, как всегда, не вовремя. Но, прежде чем девочка исчезла, Григораша всё же успел вложить в прохладную ладошку красную машинку.

Отец наблюдал, как сын устраивает гонки на ковре. Геометрические узоры становились причудливыми трассами, линии – финишными прямыми. Машинки вязли в ворсе и быстро ехать не хотели.

– Гринь, а где красная Феррари?

Григораша отозвался, сосредоточенно сопя:

– Потерял.

Отец, не уловив в голосе сына ни капли расстройства, озадачился.

– Просто потерял? Не отобрали, не сломал? Может, поменял на что-то?

Григораша покачал головой и улыбнулся.

Отец чувствовал, сын что-то недоговаривает, и, конечно же, хотел узнать, что именно. Хотел – но ничего не спросил. Потому что каждый человек имеет право на свою Тайну. Даже если ему всего 5 лет.

Григораша почти перестал играть с другими ребятами. Нет, иногда он всё же бегал с ними в догонялки, гонял мяч и катался с горки. Бывало, строил в песочнице города. Но гораздо больше ему нравилось играть одному в тени черёмухи. Что странно, когда он там сидел, никто из детей к нему не подходил.

Григораша разлюбил мультики. Они больше не казались ему интересными. Зато он полюбил рисовать. Лучше всего у него получались растения, особенно – цветущая черёмуха.

Летняя жара висит в воздухе прозрачным маревом. Лениво, сонно – хочется лежать в теньке и не двигаться. Григораша с мамой собираются к бабушке в деревню. Там – клубника, там – сад, делай что хочешь! Можно

даже на озеро сходить, под присмотром, конечно же. Григораша ждал эту поездку, очень ждал – а теперь сидит грустный.

– Гриня, ты чего это? – спрашивает мама.

А ему и ответить нечего. Уезжают утром, но ещё есть время отпроситься во двор погулять.

– Ну, пойдём! Только ненадолго, надо собираться.

Григораша радостно улыбается. Как же здорово, что у него такая добрая мама! Пусть ненадолго, ему хватит. Только нужно кое-что взять.

Во дворе – всё, как обычно. Мама к другим родительницам на лавочку у песочницы, а Григораша – к черёмухе.

– Девочка-из-Дерева! Ты здесь?

Ветви дерева сонно колыхнулись, из тени вышла молодая женщина с густыми, до земли волосами. Склонилась к Григораше, улыбнулась ласково.

– Здравствуй, Листочек.

Она всегда так его называла, он привык. Если разобраться, чем Листочек хуже Грини?

Такое же имя.

Он, смущаясь и краснея, протянул ей что-то, зажатое в кулачке.

– Я уезжаю... на лето. Я тебе подарок принёс, вот.

Понравится, не понравится? Ещё тогда, подарив машинку, он подумал, что сглупил. Она же девочка, девочкам нравятся совсем другие вещи.

Он разжал ладонь. Брошка – золотая веточка с белыми цветами и зелёными камушками-листьями засверкала на солнце.

– Она... очень красивая.

Григораша несмело посмотрел в глаза женщине. Она не шутит? Ей, правда, нравится? Прохладные пальцы гладят брошку, и цветы сверкают ещё ярче прежнего! Григораша осмелел, сказал:

– Это на одежде носят. Давай покажу.

Он взял брошку, приколот её к платью женщины. Она вздрогнула, но продолжила улыбаться. Прохладная ладонь взъерошила ему волосы.

– До встречи, Листочек.

– До встречи...

Он не успел договорить – на его плечо легла мамина рука.

– Ну что, идём домой?

Григораша ещё раз оглянулся на черёмуху, улыбнулся.

– Идём.

Два месяца в деревне пролетели незаметно. Гриня ел ягоды, пил молоко, купался в озере, помогал бабушке по хозяйству и даже собственноручно пас гусей! А ещё лазил по деревьям, подружился с соседской ребяtnей и нашёл клад – позеленевшую медную пуговицу. В город он вернулся довольный, загорелый и окрепший. Первое, что сделал Гриня, оказавшись в родном дворе, – подбежал к черёмухе. Там и сидел, у прохладного ствола, пока не задремал и его, сонного, увели домой родители.

На следующий день они всей семьёй собирались в гости к маминной подруге. Мама собиралась, наряжалась – они с отцом успели попить чай и даже поиграть. Гриня хмурился – это время он мог провести во дворе, но в праздничной одежде его туда не отпускали.

– Где моя брошь? Серьги нашла, а она куда делась – ума не приложу!

Мама зашла на кухню, растерянная и расстроенная.

Папа с Гриней переглянулись.

– Ты не трогал?

Мама вопросительно посмотрела на сына. Он пожал плечами.

На взгляд Грини, у мамы было более чем достаточно украшений. Удивительно, что она заметила пропажу какой-то брошки.

Папа обнял маму.

– Найдём, никуда не денется. И вообще, к этому платью отлично подойдёт кулон, который я на 8 марта подарил. Надень его?

Мама счастливо заулыбалась, и ушла надевать кулон. Гриня выдохнул – кажется, всё в порядке, и посмотрел в окно, где потихоньку роняла листья черёмуха.

Наступила осень, Гриня пошёл в садик. Теперь он реже бывал во дворе. Но при первой возможности бежал к черёмухе. Иногда просто стоял возле неё, словно прислушиваясь к чему-то неведомому. Гладил кору, улыбаясь – и ветви дерева качались, даже если не было ветра.

Серые тучи не сходили с неба, моросил противный мелкий дождь. Листья облетали, устилая землю. Гриня уже несколько дней ходил задумчивый. Он давно не видел Девочку-из-Дерева, только слышал голос. А сегодня она и вовсе замолчала. Он целый час звал её, замёрз и промок – но не почувствовал и тени присутствия. Грине было тревожно: может, она заболела? Ей нужна его помощь? Что с ней станет, когда придёт зима?

На следующий день у Грини поднялась температура, он чихал и кашлял. Целую неделю он лежал в кровати, пил лекарства. А там, за окном, с черёмухи облетали последние листья. Отчего-то Гриня знал – когда упадёт последний, Девочку он больше не увидит.

Ночью шёл ливень, под утро ударили заморозки. Гриня видел – на черёмухе осталось совсем немного листьев. Он ещё не выздоровел, но больше ждать не мог. И, выбрав момент, когда мама ушла в ванную, выбежал из квартиры.

В ботинках на босу ногу, в куртке, накинутой поверх пижамы, Гриня, поскользываясь, добежал до черёмухи. Крепко обнял холодный ствол.

– Это я, Листочек! Выходи, ну пожалуйста! Ты же здесь, я знаю, выходи!

Гриня закашлялся, заплакал, размазывая слёзы. Неужели не успел?

Ветви дерева качнулись, и его волос коснулись колючие пальцы.

– Здравствуй.

Гриня поднял голову – и замер испуганно. Возле него стояла до невозможности худая женщина, во всём чёрном – только брошь в виде цветущей веточки тускло блестела на груди. От роскошных волос остались редкие рыжеватые пряди.

Но всё-таки это была она, его Девочка-из-Дерева.

Гриня всхлипнул и крепко её обнял.

– Я думал, ты не придёшь. Я думал, с тобой что-то случилось!

Женщина грустно покачала головой.

– Не хотела... тебя пугать. Я меняюсь, Листочек, сам видишь. Цикл подходит к концу.

Гриня отстранился, посмотрел на неё серьёзно.

– Что с тобой будет дальше?

Тонкие сухие губы тронула улыбка.

– Я усну... и проснусь весной.

– Ты снова будешь маленькой? Мы будем вместе играть?

Целую зиму не общаться – это грустно. Но если весной всё будет по-прежнему, он дождётся, обязательно!

Женщина посмотрела на серое низкое небо.

– Я не знаю, Листочек, я же всё забываю. Просыпаюсь – и как заново рождаюсь, понимаешь?

Гриня задумался. Это, конечно, усложняет дело – но ничего страшного!

– У тебя же есть мои подарки! Посмотри на них, и всё вспомнишь! И я же тебя не забуду, значит, всё в порядке!

Женщина вздохнула, с дерева упало ещё несколько листьев.

– Может быть, и забудешь. Ты взрослеешь, Листочек. Когда люди взрослеют, они забывают очень многое.

Гриня упрямо сжал губы.

– Не забуду. Ты же мой друг.

Женщина погладила его по голове.

– У меня никогда не было друзей.

Они смотрели друг на друга – женщина в чёрном и маленький мальчик в куртке поверх пижамы.

– Не грусти, Листочек. Мы ещё встретимся, обязательно.

Он шмыгнул покрасневшим носом, не желая расплакаться, как девчонка.

– Обещаешь?

Он знал, что ей не знакомо это слово и вряд ли оно для неё что-то значит. Но худые руки обняли его, и над ухом прошепестело тихое: «обещаю».

Гриня стоял под черёмухой один. Ему в руки плавно опустился последний лист. Гриня бережно убрал его под куртку и пошёл домой.

В конце зимы им пришлось переезжать в другой район. Гриня плакал, не хотел – а как же Девочка? Она же его не найдёт! Но родителям этого объяснить не мог.

Жизнь на новом месте оказалось вовсе не такой плохой, как ожидалось. Чтобы скрасить тяготы переезда, родители подарили Грине щенка – и он занял всё его свободное время. Появились новые друзья, новые увлечения. Альбом с рисунками был забыт в дальнем ящике стола. Наступила весна, затем – лето, а Гриня и не вспоминал о своей подруге.

Сколько же лет прошло – 7, 8? Гриша пришёл домой с тренировки: уже пару лет он ходил на дзюдо, и даже участвовал в соревнованиях. Мама готовила ужин, странно задумчивая и какая-то отрешённая. Гриша едва успел перехватить ложку с сахаром, которую она собиралась добавить в суп.

– Мам, ты чего? Всё в порядке?

Мама кивнула и села на табуретку.

– Гринь, помнишь у нас во дворе черёмуху?

В памяти смутно мелькнуло белое платье и глаза, чёрные, смешливые. Гриша неуверенно кивнул.

– Там детскую площадку расширяют – и её спилили. И в её стволе – внутри – нашли твою машинку, красную. Которую ты потерял. И мою брошку. Она-то как туда попала?

Гриша смотрел на скатерть, туда, где сплетались узоры из листочков. Он вспомнил, он всё вспомнил – но слишком поздно. Что происходит с духами деревьев, когда их дерево умирает?

– Мам, я не знаю. Я... к себе пойду, ладно?

Мама кивнула. Снова стала к плите, задумчиво помешивая суп. Оглянулась на сына, хотела что-то спросить – но передумала. Каждый человек имеет право на свою Тайну.

У себя в комнате Гриша листал альбом с рисунками. Цветы, листья, белая кисть черёмухи, нарисованные грубо, неумелой детской рукой. Но он никогда не рисовал Девочку-из-Дерева. Гриша нашёл чистый лист, взял карандаш.

На следующий день Гриша не пошёл в школу. Вместо этого он дошёл до остановки, сел в троллейбус. За окном проплывали незнакомые улицы, в плеере играла музыка. Сколько же ещё остановок – 4 или больше? Ему необходимо посмотреть на черёмуху. Он думал об этом всю ночь. Но, чем ближе родной двор, тем тяжелее на душе. Почему так?

– Девушка, проезд оплачиваем! Девушка? Если нечем, выходим!

Окрик кондуктора перекрыл музыку. Гриша недовольно поморщился и вытащил наушники. Он обернулся посмотреть, с кем ругается кондуктор – и замер.

Посреди салона стояла девушка в белом сарафане. Чёрные, с прозелью волосы свободно падали на плечи.

Троллейбус остановился, открылись двери.

– Нечего без билета ездить!

Девушка молча вышла, и Гриша, как во сне, – следом за ней.

Троллейбус уехал, и они остались вдвоём. И, пока Гриша думал, что же сказать, с чего начать, девушка повернулась к нему. Прищурила насмешливые чёрные глаза.

– Привет, Листочек. Я же обещала.

Елена КОРНЕЕНКО

Металлинка

Вряд ли можно было найти человека, преданного и влюблённого в свою тяжёлую и опасную работу, как Артём Коваль. Ещё прапрадед Артёма, в далёкие тридцатые годы двадцатого столетия, являлся одним из первых добровольцев, приехавших из Украины на строительство Кузнецкого металлургического завода. Не в малой степени этому поспособствовала фамилия, просто принуждавшая связать свою жизнь не с ковкой, так с производством металла. Первые рельсы Сибири были отлиты непосредственно самим его предком, Даниилом Коваль, репрессированным в тридцать седьмом году. В Великую Отечественную войну на заводе трудился его, грезивший фронтом, тринадцатилетний прадед Денис Даниилович. Нелёгким трудом таких мальчишек страна получала столь необходимую в то время броневую сталь.

Отдали свой непростой долг стране, трудясь на этом же заводе, дед и отец Артёма. С новым веком пришла его очередь нести семейное, почётное звание металлурга. За проходной он оставлял всё земное и старательно погружался в бурлящее устье кипящих барий-содержащих сплавов. В эту минуту на его сосредоточенном лице бушевало, принимая многообразные выражения, наслаждение. Оранжевая потёртая каска, внимательный прищур вместо защитного стекла и фонтан пылающих раскалённых искр – сливались в одну, единую натуру стихии человека, огня и металла.

– Огневушку высматриваешь? Предложение решил сделать? – подшучивали над ним коллеги.

– Если что – зови, кунаками будем! – донимали они невозмутимого к их подтруниваниям Артёма.

– Огневушку не обещаю, а Металлинку гарантирую! – старался он не остаться в долгу у заводских зубоскалов.

Отработав смену, Артём любил поплескаться в душевой: находился в кабинке долго, продлевал удовольствие; переодевался и шёл домой пешком. Прогулка тоже состояла в списке неперемных наслаждений. Даже в зимние дни вторжения нестерпимых морозов он не изменял своим устоявшимся привычкам. Дома наскоро ел и зависал в интернете, коротая время до очередной смены. Даже на просторах всемирной паутины Артём умудрялся зацепиться за сайт о металлургии. Его интересовало всё – от новых методов отливки стали до модернизации современных конвертеров. Он добровольно загнал себя в рамки узких интересов. Ни

симпатичные девушки, ни пестрящие разноцветными огнями ночные заведения не удосуживались даже маленькой толики его внимания. Артём будто чувствовал, что предназначен для чего-то высшего, не подвластного человеческому уму. Так спокойно, без потрясений, мирно проходил уже тридцатый год его жизни.

Как-то летним вечером, как раз на Ивана Купалу, Артём был на смене: формируя ложный порог, придавал форму гребня защитному валу из доломита внутри печи. В нём куражилось ниоткуда вспыхнувшее, непонятное беспокойство. Провернув, с некоторым усилием, ложкой очередную порцию подсыпанного доломита, резко выдернул её из печи, извлекая воздушным коридором движения раскалённую смесь, разлившуюся по грязному полу в причудливо горящей, ажурной дорожке. У самых ног огненный металл, прямо на глазах, из кляксы обрёл форму горящего кольца. В изумлении Артём потупил голову, прищурил глаза, спрятав лёгкую тень нахлынувшего необъяснимого чувства. Дотронулся грубым ботинком до края остывающего колечка. Присел и с восхищением всматривался в непроизвольное ювелирно-печное изделие. В безмолвии, забыв о работе на несколько минут, застыл над колечком. Резко рассмеялся и с учтивым поклоном-реверансом проговорил:

– Если я правильно понял... – это предложение обручиться?

Он даже не заметил, как поднял ещё горячее колечко и одел себе на безымянный палец правой руки. Неостывший металл легко и свободно скользнул по коже и намертво застыл.

После смены, по непонятной причине, Артём изменил свой распорядок: не пошёл в душевую, домой доехал на автобусе, а дома сразу завалился спать. Было по-летнему душно, сон был очень беспокойным. Яркие сновидения одно за другим сменяли друг друга. Он видел сны о прекрасной девушке: очаровательно тонкое лицо, пушистые ресницы прикрывали горевшие любовным жаром глаза. Она глядела на Артёма, и невыразимо загадочное упоение волновалось в её взгляде.

Проснулся он утомлённым. Бросил удивлённый взгляд на валяющуюся рядом с диваном робу. «Как он мог забыть переодеться и приехать домой в рабочей одежде?» Такое несвойственное ему поведение разозлило. Он бросил быстрый, недоумённый взгляд на безымянный палец с кольцом. Попробовал снять. Кольцо будто вьелось в его плоть. Оставив безрезультатные попытки, переключил мысли в обычное житейское русло. Нужно было ехать, забирать прадеда из больницы.

Припарковавшись на Пионерском проспекте, увидел, что дед из окна машет ему рукой. Нехотя ответил на приветствие и, взяв собранную матерью одежду, торопливо зашагал к центральному входу.

Дед почти оделся, как неожиданно, дрожащей, сморщенной рукой ухватил Артёма за запястье правой руки. Синюшные губы его зашевелились.

– Да, что ж ты... – слабо проговорил он и поднял на Артёма взгляд полный боли и тревоги.

Лишь сев в машину набросился на правнука:

– Не шути с этим! – указал он взглядом на кольцо. – Хочешь жизнь свою переменить? Мечтаешь стать хозяином огня и металла, как Демидка? Переменять-то можешь, только к лучшему ли?

– Да отстань ты дед! – не выдержал Артём. – Сам не знаю, как это кольцо на пальце очутилось. Приедем домой – спилю ножовкой.

Дед покачал головой.

– Ай, какой быстрый! Не твоё решение его на палец одеть, не тебе его и снимать. Стихия могущественнее человека, если обручила, назад пути нет. Невозможно изменить предначертанное.

Артём не понял сарказма, пропустил мимо ушей, а Демидка его задел. Остановившись на светофоре у пешеходного перехода, стыдливо поинтересовался:

– Дед, не слышал я ни про какого Демидку. Не помню. Точно не слышал.

Дед неодобрительно хмыкнул в оставшиеся пару зубов и, грозно сдвинув мохнатые брови, задумавшись, сам у себя спросил:

– Неужто не рассказывал? Не может такого быть! Отцу твоему точно говорил, помню. А тебе... – он ненадолго замолчал. А потом спохватился, будто проснувшись. – Про Демидовых слышал? И про заводы их?

Артём, не отрывая взгляда от дороги, кивнул.

– Ещё бы не знать! О них и в школе, и в ПТУ все уши прожужжали.

– Я говорю о Никите Демидовиче. Он первый железоплавильными заводами заправлять стал. Сначала дело у него не ладилось: и заморских специалистов выписывал, и рабочих с государевых заводов переманивал, и крепостных покупал. А не выходило как надо. Не ладилось. Пока, вот как ты, не обручился с Металлинкой.

Артём резко затормозил. Проезжавшие следом машины оглушительно сигналили, некоторые водители крутили пальцем у виска.

– Я думал это моя фантазия.

– Все фантазии у тебя впереди! – недружелюбно отозвался дед. – Никита Демидов вместе с кольцом приобрёл дар! Не обжигал его ни огонь, ни раскалённый металл. Опустит, бывало, руку в кипящую печь и, как ни в чём не бывало, через минуту вытащит целую и невредимую. Всё как по волшебству у него с тех пор стало получаться. Сильный был человек, властный! Смог и с даром, и с гордыней справиться, стихии в себе и себе подчинить!

Машина завелась со второго раза, до дома оставалось проехать квартал.

– Ну дед! – взволнованно протянул Артём, переключая передачи.

– Что, ну! – колко передразнил дед внука. – Ну, да ну! Разнукался.

Дома Артём попробовал спилить кольцо, но выходило только хуже. От его действий оно больше сужалось, пережимая палец.

– Брось дурное дело, – шамкал прадед беззубым ртом. – Даст Бог, увидит она, что слабый у тебя дух, сама кольцо заберёт.

Артём с чувством отшвырнул ножовку и больше уж не притрагивался к кольцу.

Ночь прошла, будто минута пролетела. На работе он появился раньше всей смены. В груди горело ожидание, а по телу пульсировала нервная дрожь нетерпения. «Демидов голыми руками кипящий металл пробовал...», – зудело в голове.

Полдня его тянуло к печи, сдерживала близость людей. «Не подпустят близко к топке, ещё и в дурку отправят». То ли от волнения из-за опасного желанья, то ли от самовнушения он не чувствовал палящего жара печи. Из топки на него веяло, лучше сказать, обдавало свежестью, как из открытой форточки в натопленной избе. Артём, отрешась от происходящего, непроизвольно перехватил длинную ручку ложки посередине и, приблизившись вплотную к пылающему жерлу, начал исступлённо сгребать доломит, когда неожиданно упал на пол под чьим-то весом. На нём лежал с обгоревшим лицом напарник Серёга. Внезапно Артём почувствовал толчок, кто-то стянул с него Сергея и поволок подальше от печи. Собираясь приподняться ощутил крепкий захват за ворот и, скользя всем телом по бетонному полу, резко поехал вслед за Сергеем. Он увидел медсестру Сонечку, с испуганным лицом наклонившуюся над Серёгой. Потом была скорая. Его осмотрел хмурый врач с уставшим лицом.

– Чего вас понесло! Сами благополучно отделались, а человека... – он кивнул на Сергея, – в реанимацию. Ещё вопрос, будет ли он видеть.

Артём не чувствовал ничего, кроме желанья попробовать хоть пальцем дотронуться до раскалённого металла. Пользуясь суматохой, незаметно прошёл к сталевыпускному жёлобу, страха уже не было, лишь чувство азарта приятно щекотало нервы. Восхищённо всматриваясь в движение пылающей лавы, сначала, как в сомнамбулическом сне опустил туда палец, затем руку. От кисти вверх побежала жгучая, всё насыщающая энергия, превращая его в глыбу всемогущественного металла. Артём испуганно отдёргнул руку. Ладонь мягко светилась, постепенно угасая. Оглядевшись по сторонам, убедившись, что остался незамеченным, уверенными, твёрдыми шагами направился в раздевалку. Внутри бушевал вулкан. Артём с нечеловеческой силой воли сдерживал готовое взорваться и вырваться наружу чувство превосходства. В раздевалке снял каску и вмиг почувствовал все взгляды, прикованные к себе.

Палыч, бригадир, не особо дружелюбно похлопал по плечу и как-то неуверенно и явно неискренно сказал:

– Ничего, Артюха, не переживай так. Даст Бог, всё обойдётся.

Артём дёрнул головой, будто отмахиваясь от мухи, и встретился взглядом с знакомыми глазами смотрящего на него седого человека. Секундное замешательство привело его в сознание. Этот взгляд, и этот седой человек был он сам, безжалостно отражённый зеркалом.

Дома, отперев ключом дверь, сразу же наткнулся на колючий дедов взгляд. Через секунду дед уже закрывал дверь своей комнаты. Артём не удосужился приветствием и улёгся на диван. По всему, дома уже знали о происшествии на заводе, никто не удивился и не забеспокоился его внезапной сединой. Только мать периодически забегала в комнату, пытаясь вызвать его на разговор, поправляя то подушку, то клок его сбившихся, поседевших волос.

Артём отмалчивался. Не то, что бы он испытывал или переживал какое-то чувство, было просто лень говорить. Почему-то он ждал ночи. Знал, что придёт Она. И не ошибся. Металлинка появилась, как ему казалось, не в его мыслях и даже не во сне. Вся Она была живая. Он точно чувствовал: живая, из плоти и крови. С копной роскошных, огненных волос. Она села возле, положив тонкую руку ему на голову, и, приподняв пушистые ресницы, взглянула с таким огненным жаром, что Артём зажмурился от неожиданности.

– Тебе понравилось? – мелодичный, с мягкой металлической ноткой голос цеплялся за душу, расцарапывая сердечную тоску. – И дар свой смог удержать, лишь поседел, – она нежно провела по выбеленным волосам. – Старайся! С ней надо сжиться. Только тогда всё богатство и могущество власти познаешь. – Её воздушная рука замерла у лица Артёма.

Ему захотелось обнять, обцеловать её. Нутром ощутил, что больше, чем обладания ею, ничего не надо. Не хочет он власти. Не разумом, сердцем живёт.

– Не думай так больше! – жёстким, металлическим голосом сказала Металлинка.

– Мне без тебя ничего не надо, – чуть не вырвалось у Артёма. Он сдержался, боясь в неопытном смятении наговорить лишнего.

Хотя он чувствовал её ласку, внимание, но в то же время понимал, что заботится и волнуется она вовсе не о нём, а об укреплении своей могущественной власти над людьми.

Артём глядел и глядел на Металлинку: то со страхом, то с восхищением. Жаждал её тепла. А она с холодным невниманием говорила ему о новой жизни и безграничной власти. И о том, что его душа принадлежит ей, и только ей. В её глазах пылало властное достоинство, и полное, прочное могущество над его душой.

Артём не хотел этого видеть. Впервые в его сердце рождалась тёплая, искренняя любовь. От обиды закрыл глаза. Это длилось довольно долго.

– Мне кажется тебе неприятно? – вставая, произнесла Металлина. – Буду с тобой откровенна. Наверно, удивительно, почему я выбрала тебя? – она протяжно вздохнула. – Мои поступки иногда странные. Я порой сама не могу объяснить их. – Металлина подняла пылающий взгляд. – По понятным причинам я не могу принадлежать просто человеку. Даже твой дар этому не поможет.

В темноте от напряжения глаза Артёма устали. Он видел лишь отражённый контур лица Металлины на оконном стекле, явственно растворяющийся в свете уличных фонарей.

На работе его стали сторониться. Никто уже не трогал, не подшучивал. Поправ все условности, Артём работал стоя у жерла печи. Металл, отлитый в его смену, обладал всеми сверхпоказателями: был без примесей, превосходил стандартную сверхпрочность, обладал способностью к восстановлению в местах повреждений. Приезжали комиссии, исследовали его, произведённый металл... Восхищаясь и не находя объяснений, уезжали.

Металлина приходила каждую ночь, изматывая его своими требованиями. Теперь она укоряла Артёма, что он не может в полной мере овладеть даром, не чувствует, и не использует подаренную ему власть.

В полном отчаянии ждал Артём её прихода, проклиная их бесплодные встречи. Глаза его померкли, стали безжизненными. Он пробовал согнать наваждение крепкими напитками, но только быстрее и мучительнее начал угасать с каждым днём. От последнего шага к безумию его удерживала надежда. Надежда на любовь разрушившей его жизнь Металлины. Артём уже перестал отдавать отчёт своим поступкам и мыслям. На работе чувствовал, как от спутанного сознания раскаляется мозг. Он любил – и не хотел любить. Не знал, что делать с могучим, всепожирающим даром.

Однажды, пребывая в полном отчаянии, ложкой зачерпнул в печи раскалённой, металлической магмы.

– Выпью, выпью! – шептал он, обезумевший, в надежде обрести новые, несокрушимые силы.

Не выдержав испытаний, ум его помутился. Дрожащие руки не слушались. Вытаскивая ложку, неуклюже цепанул кольцом за задвижку печи. Кольцо рассыпалось с демоническим звоном, ложка повернулась в руках, и расплавленный металл брызнул на кирзовые ботинки. Артём нагнулся и заорал. Заорал от невыносимой, обжигающей боли, проникшей сквозь ботинки.

Печь дышала в него нестерпимым жаром. Артём полз, чувствуя небывалую лёгкость на сердце. Он ощущал, что выздоравливает. Выздоровливает после долгой и тяжёлой болезни. В порыве вспыхнувшей радости взглянул на печь. Там, в языках пламени, стояла Она! Хрупкая и прекрасная богиня огня и металла. Пристальный взгляд выражал лишь презрение. Мгновение, и... глубину этого чувства поглотила бурлящая, могущественная бездна огня.

Улица Счастливая

«Почему всё в этой жизни так сложно? – думала я, глядя на пролившийся кофе из чашки и сгоревшую кашу. – Вроде стараешься, стараешься, а получается всё равно не так. Ещё и на работу вызвали раньше, чем отпуск закончился».

Я вышла из кухни, больше не в силах смотреть на творящиеся там чудеса. Нужно было найти хотя бы одну чистую рубашку, но и в комнате был совершенный переполох. Складывалось впечатление, что всё это время я тут жила не одна, а с ещё парой-тройкой таких же сестричек. Но нет, все мои сестрички давно уже уехали кто куда и видаться со мной не очень-то собирались.

Наконец я нашла свою красную рубашку. «Вызывающе, наверное, для работы, но ничего не поделаешь, другой у меня все равно нет», – думала я, пытаюсь отыскать утюг. После его поиска, пришлось ещё поискать ключи от квартиры, проездной, духи и много-много всего. В конце концов, на работу я вышла голодная и недовольная. Да ещё и опаздывающая.

Мне ужасно туда не хотелось, и потому появилась мысль: просто не пойти. Меня, наверняка, уволят, оставят без зарплаты, но зато, может, хотя бы сегодня я буду счастлива, а не убита этой взрослой жизнью, которая началась с бесконечной работы и бесконечного бардака в квартире.

Я подошла к автобусной остановке. Табло ясно показывало: «Автобус ушёл и ближайший нескоро появится, гуляй». Больше делать было нечего. Поэтому я ещё раз взглянула на себя: в недоотглаженной рубашке и уже затёртых брюках я выглядела так себе, но зато в кошельке моём было рублей двести, на которые можно было позволить себе скоротать это утро в какой-нибудь кофейне.

В воздухе пахло весной. Может, это приятно и романтично, но мне весна нравится только до тех пор, пока я не попаду в очередную лужу или не увижу пролетающую рядом сосульку. А ещё мне не нравится грязный снег. И весенняя депрессия, конечно.

Пока я думала обо всём этом, я брела по какой-то Театральной. И несмотря на всё своё недовольство, я успела заметить, что здесь красиво и что под ногами почти не попадает снег, так и жаждающий забраться к тебе в ботинок. На противоположной стороне улицы я увидела театр. Впереди виднелся большой магазин, наружные витрины которого были переполнены старинными часами.

Когда я вошла внутрь магазина, этих часов там оказалось ещё больше. От них становилось дурно, и, увидев кое-где часы с кукушкой, я переживала только о том, чтобы сейчас не подходило ровно сколько-нибудь. Но часы мерно тикали, а кукушки всё сидели по своим местам. «Должно быть, ещё есть у меня несколько минут», – подумала я. Я ещё немного походила, рассматривая разные часы. «Время потеряли?» –

сказал голос, где-то из-за часов. Я на секунду решила, что взбунтовалась одна из кукушек, но, увидев худенькую женщину лет пятидесяти, успокоилась и решила ответить.

– Я не расслышала вас, – сказала я.

– Говорю, время ищите? – сказала женщина, указывая на часы, стоящие рядом с ней. Она держала небольшую тряпочку в руках и улыбалась мне. На ней был тёмный фартук с названием магазинчика и чёрное платье в пол. Волосы её были аккуратно убраны и заколоты большой заколкой с ярким цветком.

– Я не поняла вас, – сказала я. – Я просто зашла в ваш магазинчик случайно, не собираясь тут испытать каких-то чудес на себе.

– Я не предлагаю вам чудес, – сказала женщина, возвращаясь за прилавок. – Я предлагаю вам всего лишь выбрать часы для дома, чтобы всё, так сказать, встало на свои места.

– У меня всё и так на своих местах.

– Ну, тогда вам нечего больше тут делать, хотя, конечно, можете просто полюбоваться этими прелестями, я их люблю больше жизни. Мне даже кажется, что чем больше у меня часов, тем больше у меня времени в жизни, потому и каждому, кто сюда входит, я предлагаю время, а не часы. Я охочусь за ним, и мне кажется, что тот, кто попадает в магазин времени, его теряет.

«Кукушки до такой философии доводят», – подумала я и усмехнулась. А вслух сказала:

– Нет, за временем я не гонюсь. Кажется, его у меня уже и так навалом. Но у вас на жизнь, и правда, интересный взгляд.

– Ага, у тебя осталась минута.

– Минута? До чего?

– До того, как мои кукушки начнут сходиться с ума.

– Боже мой, я не хочу это слышать! Спасибо! До свидания! – сказала я и выскочила из магазина. Даже на улице хорошо было слышно, как они все дружно закричали. «Точно сумасшедшей можно стать в таких заведениях!» – подумала я и пошла дальше по Театральной.

Уже нестерпимо хотелось отправить в рот какой-нибудь пирожок и запить его горячим чаем. Но Вселенная всё водила меня по бесконечным лабиринтам Театральной, пока я наконец не выбралась на улицу Горького и не увидела вывеску «Французская пекарня». «Остается надеяться, что моих двухсот рублей мне хватит на тот самый пирожок с чаем. Если, конечно, кукушки не вытащили их у меня из сумки, пока я болтала со странной леди. А то мало ли на что способно такое сборище одновременно кричащих птичек. Лучше бы остановила она все свои часы и так их продавала», – подумала я.

Я зашла в пекарню. Пахло там слишком вкусно, чтобы возможно было выстоять очередь. Но я и в этом справилась. Сегодня я поистине была героем. Пирожки с яблоками и корицей показались мне просто

волшебными на вкус, в отличие от их цены, но делать было нечего. Я допила чай и уже радостная вышла из пекарни.

Настроение улучшилось, и вот тут, конечно, случилось то, за что я так не люблю весну. Я покатила с крыльца прямо в лужу грязи и снега. Хорошего настроения как не бывало. Встав на ноги, я взглянула на себя: вся одежда была в грязи, сумка была залита водой. Глаза тоже наполнились слезами. Кто-то попытался помочь мне отряхнуться, что-то спрашивал, но мне хотелось сейчас только одного: попасть домой, закрыться там и никогда больше не выходить на улицу. Однако вместо этого я пыталась очистить пальто и удерживать слезы. Ни то, ни другое мне не удалось, а потому я пошла, села на ближайшую лавку и заревела.

Ко мне почти сразу кто-то подсел. «Вы шарф обронили, я вам говорил, но вы неумолимо шли вперёд, это вы на него... так сказать... наступили, вот и упали», – сказал мужской голос. Я заплакала сильнее. Споткнуться о собственный шарф. «Но только вот вам нельзя тут категорически плакать, я хочу, чтобы вы сегодня стали чуть счастливее», – сказал тот же голос. Я вытерла слёзы и посмотрела на него.

– Вы видите, в каком я состоянии? Прекрасно видите! И если вы хотите, чтобы я стала счастливее, то вряд ли я готова исполнить это для вас прям сейчас! – сказала я со злостью.

– Не горячитесь, я хочу помочь вам, и тогда вы тоже поможете мне, – сказал он снова. Тот самый голос являлся парнем лет тридцати, хотя истинный возраст его определить было сложно. Он был в яркой оранжевой куртке и держал какую-то брошюру в руках.

– И как интересно вы мне поможете? А уж тем более помогу я... если вам что-то нужно, то можно я сразу сдамся без боя.

– Вы слишком плохо судите обо мне, мисс! Только вот неужели Вы не слышали о нашем городском конкурсе?

– Каком ещё конкурсе? – сказала я и снова глянула на своё пальто. Что-то делать с ним было уже бесполезно, так что можно было сидеть и спокойно слушать байки парня в апельсине.

– Конкурсе на звание улицы Счастливой.

– Чего?

– Да, конкурс на звание улицы Счастливой. В конкурсе участвует более тридцати улиц нашего города и в том числе моя – улица Горького.

– В смысле, твоя? Ой, или ваша.

– Можно и твоя, – сказал он, улыбнувшись, – а можно и представиться. Меня Васком зовут, я хранитель этой улицы.

– Хранитель? – снова спросила я.

– Да, я слежу за этой улочкой снаружи и изнутри.

– Я больше не могу переспрашивать! Что за выдумки? Что вообще за люди мне попадают сегодня! Просто сумасшедший дом! Или весь город целиком!

– Вы, наверное, про Клариссу с Театральной, так она здесь тысячу лет работает, кому она только часы не продавала в своей жизни, вот и чудит, забирая время людей. Вы на неё не обращайтесь внимания, видимо, вы первый раз у нас оказались тут.

– Да, я сюда случайно забрела, и, если честно, хочу уже уйти.

– Вот у вас же мокрое пальто, – сказал парень, – нужно что-то сделать.

– Пальто бежать покупать? У меня ни копейки!

– Нет же!

– Вызвать мне такси до дома? Я буду не против!

– Да по стойте же вы, я хочу принести вам хоть немного счастья. И уже даже не ради конкурса. Мне самому грустно от вашего вида. И глаза у вас... потухшие. Мне хочется их зажечь. Найти огонёк.

– Всё, парень, прекрати, я вызову сама такси, если мой телефон уцелел, и отправлюсь домой, а то я уже замерзаю. Спасибо за поддержку, но мне пора отсюда уходить.

Я начала искать телефон в сумке. Всё было тщетно, он, конечно, промок и отключился. Пока я всё это делала, Васк стоял и думал.

– Придумал!

– Что ты придумал? Вспомнил номер такси?

– Нет, нет! Снимай свое пальто. А, кстати, как тебя зовут?

– Юлия.

– Красивое имя, давай снимай пальто, – сказал он ещё раз, расстёгивая свою куртку и передавая её мне. – Надевай мою куртку.

– Теперь я буду апельсином. Спасибо, конечно, так гораздо теплее.

– Так, ну это ещё не всё. А теперь пойдём со мной. Пальто я твоё возьму. Я знаю, куда тебя отвести. У нас на улице множество замечательных мест есть, если присмотреться.

– А ты серьёзно её хранитель? Что это за профессия такая?

– Это не профессия, а судьба. Ты рождаешься хранителем, и это место, которое суждено тебе хранить сразу надолго отпечатывается в твоей памяти ещё в младенческом возрасте. Ну а потом ты вырастаешь, проходит пара сотен лет, и вот ты становишься настоящим хранителем.

Про пару сотен я промолчала. Или парень ошибся, или лучше не угадывать мне его настоящий возраст.

– Я мечтал тут жить, и вот наконец недавно я смог стать настоящим хранителем этой улицы, а кроме того ещё и попасть на конкурс, который проходит всего раз в тысячу лет.

– Это ты про улицу Счастья?

– Да, понимаешь, есть такие места, в которых люди счастливы, а есть те, где людям совсем не везёт. Не бывает, конечно, ничего идеального, иначе можно было бы просто расставить запрещающие знаки в плохих местах и жить припеваючи. Но давно-давно всё замешалось во Вселенной настолько, что никогда не узнаешь, где будет тебе хорошо и где ты будешь счастлив. Именно поэтому среди хранителей есть такой конкурс.

Каждый хранитель во время конкурса стремится к тому, чтобы как можно большему количеству людей стало на его улице хорошо, чудесно, прекрасно. К тому, чтобы человеку снова захотелось сюда вернуться. Кларисса, конечно, в этом плане портит мне репутацию слегка, но хотя некоторых она наоборот привлекает своим магазинчиком, который, в конце концов, ведёт ко мне. Если кому-то на этой улице стало грустно, плохо или одиноко, то хранитель должен это исправить, что я сейчас и делаю. И даже можно говорить людям, что ты хранитель, всё равно мало кто верит.

– Вот это дела... – только и смогла сказать я.

– Ну да, вот так. И я хочу тебя сделать счастливее тут. Именно поэтому веду тебя в красивейшую оранжерею. Я очень люблю цветы. Особенно яркие.

– Как и цвета, – сказала я, указав на куртку. Он улыбнулся.

– Ну да, оранжевый цвет и означает цвет счастья, во время конкурса в такой одежде все хранители. Но людям нет дела до этого, так что никто даже не заметит того, что так много похожих курточек они увидели. Очень немногие люди гуляют по всему городу. Остальные же живут по принципу «работа-дом-работа», ну или наоборот, если так угодно.

– Я тоже из них, я же случайно забрела...

– Именно поэтому я покажу тебе свою оранжерею. Вдруг ты больше сюда не придёшь...

– Я ещё не дошла, а мне уже хочется вернуться снова. Даже настроение улучшилось, да и стало тепло ещё.

– Вот и замечательно. Мне нравится делать людей хотя бы немножко счастливее, и даже если я не выиграю в конкурсе, я не перестану это делать здесь.

– Тогда уж точно есть смысл заглядывать сюда.

– Непременно! А вот и моя оранжерея, давай сюда за угол.

Мы зашли за угол старого здания, и я увидела огромный стеклянный дом, наполненный цветами.

– Я хочу туда попасть!

– Так пойдем скорее, я тебе всё покажу.

Когда мы вошли внутрь, я поняла, что цветов было в оранжерее даже больше, чем показалось на первый взгляд, и все они были яркие, сочные.

– А почему так много оранжевого? – спросила я.

– Я ведь говорил тебе, что у нас это цвет счастья. Человек, который счастлив, имеет такой оттенок.

– Я сейчас опять переспрошу.

– Ну да, вроде ауры или облачка вокруг, вот и возле тебя оно почти оранжевое.

– А может, это свет от твоей куртки, и ты всё выдумал?

– Ты можешь думать, как пожелаешь, лишь бы тебе стало радостнее жить.

– И когда будут результаты твоего конкурса?

- Через девять лет и два месяца. Конкурс длится ровно десять лет.
- Так ведь за десять лет можно передружиться со всем городом и приводить всех по очереди к себе на улицу.
- Можно-то можно, но только ещё никто не научился контролировать эмоции людей, их чувства. По крайней мере, не полностью. Так что даже приведя сюда друга, можно с ним поссориться тут.
- Хм, ну да. Погоди, и ты каждому человеку это объясняешь?
- Да нет, люди и ситуации разные: ребёнку можно бабочку на нос посадить, и вот он уже весь светится и уже счастлив. У всех счастье разное. И потому я даже не со всеми лично имею дело. А ты...
- А я наступила на собственный шарф, – сказала я и засмеялась, – такую нелепицу просто нельзя было упустить, тут ты не ошибся.
- Тебе ещё и цветы мои понравились...
- Это верно, тем более, что сейчас таких цветов нигде не найти. Так вы, хранители, значит, вроде волшебников?
- Ну нет, мы – хранители.
- Ладно, всё равно это всё странно, хотя и чудесно, да. Даже захотелось вернуться за часиками к Клариссе.
- Васк рассмеялся.
- Лучше не заходи, оставь своё время себе. Я вот лучше тебе соберу оранжевый букет сейчас, – сказал Васк и ловко начал отбирать разные цветы.
- Как здорово! – моё настроение уже не просто повысилось, куда-то сбежала даже весенняя депрессия. Может, просто цветов в жизни мало было.
- Вот держи, – сказал он и протянул букет цветов, обвязанный жёлтой лентой.
- Спасибо, мне ещё таких цветов никто не дарил.
- Я рад, что мне удалось осчастливить тебя. Ну, пойдём. Мне пора.
- Уже? Как жаль, – сказала я.
- Ты вспомни своё лицо, когда увидела меня впервые, – сказал Васк и улыбнулся, – а теперь она уходить не хочет.
- Да, у тебя и вправду получилось сделать меня чуть счастливее. Скажи, а может, можно тебе как-то помочь выиграть конкурс?
- Увы, а может, и к счастью, нет. Работать в этом деле может только хранитель. Он видит улицу снаружи и изнутри, я говорил. И именно те самые облачка вокруг людей подсказывают мне, что и кому сейчас нужно.
- Ну может, тогда мне просто можно заглядывать сюда?
- Заглядывать можно всегда. Это всего лишь одна из улиц города. А может, ты случайно окажешься на другой такой улице, и там тебя сделают ещё счастливее. Отдашь, так сказать, свой голос в пользу другой улицы и будешь ходить туда. У тебя целых десять лет есть, теперь ты знаешь, и около сорока улиц города, которые можно даже на карте обозначить. У меня такая есть, конечно, но с ней тебе станет слишком скучно.
- Пожалуй, ты прав, но насчет счастья я не знаю. Когда вся жизнь идёт наперекосяк, сложно понять, что именно тебе нужно, чтобы стать

счастливее. Точно не мотаться по всему городу в поисках улиц, хотя затея интересная. Но пока мне хватит и твоих цветов.

– Ты благосклонна ко мне, спасибо. И, да, твоё пальто, оно высохло.

– О, спасибо! Теперь мне не придется брать такси.

– Не за что, тебе спасибо за помощь.

– Знаешь, я обязательно тут ещё появлюсь, мне хочется увидеть тебя снова.

– Я очень рад слышать это. Только не падай на дороге больше.

– Я постараюсь. Спасибо ещё раз и за цветы, и за пальто, и за настроение.

– Я стараюсь и для себя...

– Я помню, но это красивый эгоизм. Очень гармонично. Выигрывать на счастье других людей, разве ж так ещё где-то в жизни бывает?

– Наверное, нет.

– Вот и я так думаю. Ну, пока.

– До встречи.

Я посмотрела ещё раз на Васка и пошла на другую сторону дороги, оставив его рядом с серым старым зданием. Знакомый автобус подъезжал к остановке, поэтому я, недолго подумав, заскочила в него и села. Повернувшись к стеклу, я увидела, как Васк подошёл к какому-то старику. «Должно быть, это очень интересно, быть хранителем улицы. И даже если это всё неправда, мне почему-то всё равно в неё хочется поверить», – подумала я и ещё раз посмотрела на улицу Горького.

Когда я вернулась домой, я внимательно осмотрелась. Мир, в котором я живу, понятия не имел, где мне найти тут вазу. Впрочем, как и я сама. Отыскав в шкафу какую-то банку, я наконец поставила подмёрзшие цветы в воду. На фоне моего беспорядка цветы напоминали мне Васка на грязной и мокрой весенней улице Горького.

И тут я поняла, что так больше не может продолжаться. «А вдруг и моя квартира участвует в каком-нибудь конкурсе квартир Счастья? А я ничего не делаю для того чтобы хоть кто-то оказался здесь счастлив. Хотя бы я сама... Нужно приниматься за дело, – подумала я, глядя на цветы, – у меня ведь даже самые настоящие хранители есть».

В этот же день я выбросила весь хлам, который хранился в моей квартире. Я даже не могла представить, насколько много его было в ней. Я выбрасывала коробку за коробкой, совершенно не желая возвращаться к тому, что в них находилось. Я перебрала весь свой гардероб, и в нём тоже нашлось то, что уже давно мне было не нужно. Всё из квартиры отправилось в мусор. Потихоньку стало появляться свободное место в комнате, коридоре, даже на кухне. В конце концов я нашла и вазу, и важные хранители заняли почётное место на отмытом кухонном столе. Я убрала всю квартиру и даже не заметила, как прошло время. Столы теперь были свободны и готовы к тому, чтобы действительно можно было за ними работать, вещи были аккуратно сложены в шкаф, а остальные

вертелись в машинке, дожидаясь своего часа, посуда была вымыта и убрана по местам. Мне стало легче дышать в собственной квартире – и уже от этого мне стало хорошо. Работа, которую я почти ненавидела, меня не тянула, и потому я села искать новую. Которая будет мне по душе.

Позвонив в несколько компаний и договорившись о собеседовании, я отправилась в магазин, чтобы купить что-нибудь к ужину. Мне хотелось готовить, хотелось творить в том месте, где теперь так легко дышалось. Я вернулась в квартиру и приготовила вкусный на удивление ужин. Это помогло мне окончательно убедиться, что в жизни не все потеряно, если ты можешь вдохновляться и наслаждаться ею, если ты действительно хочешь каждый день вставать с улыбкой.

Перед сном я вспоминала Васка. Мне так хотелось снова увидеть и услышать его, и я решила, что завтра же пойду на ту улицу и еще раз скажу ему: «Спасибо».

С того момента прошло уже много лет. Тогда же утром я пошла на улицу Горького в надежде встретить Васка, но его нигде не было видно. Мне даже стало казаться, что его и вовсе никогда не было, и я все это выдумала, если бы не его оранжевые цветы. Они так и хранились у меня. Уже засохшие, но всё такие же тёплые.

А сегодня я гуляла по городу с дочкой, и она вдруг радостно закричала:

– Мама, а что улицы бывают счастливыми?

– Счастливыми? – переспросила я.

– Ну да, написано ведь: «Улица Счастливая, 15». Видишь?

Я взглянула на табличку. Все так и было: «Улица Счастливая, 15». Я осмотрелась вокруг. Если свернуть в переулок чуть дальше будет магазин часов, чуть правее французская пекарня с тёплыми пирожками. Я стою на улице Горького и даже не замечаю этого.

– Должно быть, тут всех делают счастливыми, – сказала я, глядя на дочь, – раз уж она так называется.

– Вот здорово! Пускай и меня сделают счастливой!

– Я думаю, если уж мы с тобой тут оказались, то мы точно счастливы, – сказала я и улыбнулась.

– И правда! А если купить новые часы домой, то тем более будем, да?

– Ну, пожалуй, только не здесь, не хочу делить своё время с другими...

– С другими, а разве так можно?

– Знаешь, порой мне кажется, что в мире можно сделать всё, если очень вовремя и очень сильно захотеть.

Содержание

Авторы конкурсных рассказов.....	3
Голосование жюри.....	4
Итоги голосования на приз читательских симпатий	5
Светлана БЕРЗИНА	
ЗНАНИЕ – СИЛА	6
Дарья МАКСИМОВА	
Черёмуха	15
Елена КОРНЕЕНКО	
Металлинка.....	22
Ольга ГРАСС	
Улица Счастливая.....	28

На первой странице обложки – рисунок Светланы Бестужевой (Москва)
«Всё будет хорошо»

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»